

Латыши помнят русских властителей

Борис Инфантьев

В двухмиллионном наследии единиц латышского фольклора, любовно собранном латышами в ознаменование осознания своей идентичности, можно отыскать предания, побывальщины, анекдоты и о русских властителях разных поколений.

В памяти старшего поколения латышей сохранилось даже имя полоцкой княжны Рогнеды Гореславовны, которая, по категорическому утверждению жителей Восточной Латвии, была властительницей Краславы, к тому же православной. Таким образом, можно делать заключение, что в Южной Латгалии, так же как и в Полоцке, христианство появилось даже раньше, чем в Киеве.

Предания о древних связях Восточной Латвии с Полоцком сохранились и в записях Хранилища латышского фольклора.

Они рассказывают о трагической судьбе латышского вождя Вариса из Городища у поместья Воронича. Юноша однажды на охоте заблудился и оказался в Полоцке у князя, в дочь которого Другаю страстно влюбился. Но она была уже обручена с другим, и Варису ничего не оставалось, как княжну увезти. Супружество латышского вождя с полоцкой княжной оказалось несчастным. Самого Вариса мстительные поезжане убили, а молодую жену мать Вариса, злая ведьма, так изводила, что она сбежала обратно к своему отцу.

Гораздо более представительны предания и побывальщины об Иоанне IV. Если для русских он был всего лишь «грозным» царем, то

для ливонских немцев и латышей — «страшным» («schreklicher», «briesmīgais»).

Правда, в латышском фольклоре больше рассказывается о тех несметных сокровищах — кладах, которые остались в уничтоженных русским царем погребках завоеванных замков, чем о его жестокостях. Жертвы обычно либо сознательно бросаются в прилегающие к замкам водоемы, либо погибают во время бегства вплавь по реке или озеру.

Три предания о Грозном связаны с завоеванием Вецпиебалгского замка, в одном из преданий даже отмечен год построения замка — 1345 и год его уничтожения — 1575.

Замок долго не могли занять, до тех самых пор, когда русскому военачальнику привиделся сон: в каком месте пуля может стену пробить. Оставшееся в замке сокровище бережет «пукис» («коргоруш»), и никто не смеет до него добраться.

По другому преданию стена была пробита не пулей, а бочками с втулками («tapas»). Осажденные бросились в озеро Инесис, а горшки с золотом с тех пор уходят в землю все глубже и глубже.

В третьем варианте вместо погребов с золотом назван тайный ход, пробраться в который почти невозможно.

Одно предание посвящено тому, как Иван Грозный брал Алуksне. Сделать он смог это только потому, что из Москвы привезли огромную золотую пулю, которая была отлита из золота трех церковных куполов.

Ивану Грозному также приписывают разрушение замка в Селпилсе. Тамошние девицы сначала махали ему платочками, потом же все побросались в Даугаву.

Самое большое количество преданий о государственных деятелях в латышском фольклоре посвящено другому завоевателю Ливонии — Петру Великому, где, кстати сказать, образ этого государя существенно отличается от образа Ивана Грозного, который, собственно говоря, предстает как совершенно абстрактная личность, в отличие от Петра, который во многих преданиях и побывальщинах представлен как живой человек. Об образе Петра в латышском фольклоре имеется несколько публикаций, поэтому здесь этот материал мы воспроизводить не будем.

С количеством и качеством преданий о Петре не может быть никоим образом сопоставимы предания и побывальщины о его таинственной супруге, которой так много внимания уделяли и русские, и латышские писатели.

Из сравнительно многочисленных преданий только в одном подчеркивается, что Екатерина была латышкой. Но достоверность этого факта омрачается сообщением, что ее отравил... Шереметев.

Большая часть преданий связана с выяснением места рождения или раннего пребывания Екатерины в Алуksне. Степень достоверности этих преданий различна. К области абсолютной фантастики следует отнести предание, согласно которому Катерина была правительницей построенного немцами замка у Алуksненского озера. Как-то она попала к латышам и, вернувшись обратно в замок, запретила немцам угнетать латышей, а сама погибла.

Предания этого цикла называют различные местности в Алуksненском округе, где родилась будущая всероссийская императрица. В одном предании эта местность — усадьба Рунини, принадлежавшая мызе Яун-Аннаc Валкского района. Здесь расположенный на обочине дороги небольшой холмик и есть место рождения Екатерины.

В другом предании место ее рождения — село Пайдери. У родившейся здесь девочки на спине были знаки подковы, сабли и колеса. После смерти матери ее взял к себе пастор, к которому нанялся в батраки неузнанный Петр Великий. Его хотели выдать врагу (?), но Катерина спасла батрака, и царь впоследствии на ней женился. Явная контаминация известных

нам по предшествующим публикациям преданий о Петре Великом и Екатерине.

В ином предании изначальный путь будущей императрицы начался в Страупе, к пастору которой принесли новорожденного младенца. Потом пастор переехал в Алуksне, и девицу забрал к себе шведский офицер. В предании совсем не к месту появляется какой-то нищий, сообщающий о наличии какой-то подземной пещеры или хода. В завершение повествования девицу забирает Петр Великий.

В следующем предании место пребывания Екатерины — Вышки, где в старой корчме служила будущая императрица. Корчма находилась на обочине Петербургской дороги, которая была потом названа Катерининским трактом.

Замок (или: дворец Екатерины; не уточнено: Первой или Великой) был также около Волгунского озера, где утонула ее золотая карета.

Местом рождения Екатерины называют также Мазсталдаты Огрской волости. Напротив дома — речушка, называемая «Источником Катерины»

Цыганка матери предсказывала: «Ты свою дочку колышешь в деревянной люльке, а твоя дочь будет качать детей в золотой люльке».

В фольклорных сборниках Петра Шмита, Биленштейна, Лерха-Пушкайтис опубликованы предания о родиче Екатерины — курляндском сапожнике Гейдебусте (Хейдебусте), который было вызывался ко двору, но там не прижился.

Как видим, в подавляющем большинстве преданий этого цикла находим что-то из цикла «Петр — Екатерина», в котором некоторые детали восходят к действительным фактам — известным или потаенным. В нескольких преданиях к образу Екатерины I примыкают черты, свойственные Екатерине Великой.

Екатерина Великая по количеству латышских преданий заняла второе после Петра место и опередила даже «уроженку Лифляндии». Большая часть преданий с ней связана с путешествием государыни по Латвии в 1764 году, что могло сохраниться ещё в памяти третьего или четвертого поколения очевидцев.

Вместе с императрицей везли 12 возов с золотом. Но в дороге из Гауене через Мери в Ригу императрица узнала, что в Риге пожар, поэтому все золото оставила в Денежной горе («Naudas kalns») у местности Палеини за рекой Вия. Три предания связаны с Чашной го-

рой («Kausa kalns»). Но только в одном из этих преданий названа Дрейлинская волость, в которой эта гора находится. В этом же варианте указано, что выпив чашу воды, императрица повелела на этом месте учредить церковь и школу.

Особенность другого варианта — чашка, из которой пила императрица, упала и разбилась; в третьем варианте чашу в руках держала прелестная девочка, привлекавшая внимание императрицы. В этом предании отмечается, кроме всего прочего, волнения видземских крестьян, побудившие, якобы, императрицу приехать в Лифляндию.

В двух биркенельских вариантах рассказывается, что когда Екатерина спускалась в карете с горы, то ли по вине коня, то ли по какой другой причине в колесе кареты сломалась спица. С тех пор в гербе местной мызы — колесо без одной спицы.

В четырех вариантах Екатерина Великая предстает как парконасаждатель, уподобляясь в этом отношении Петру Великому. Не только сама императрица занимается этим благим делом. В одной записи 1966 года Потемкин превращает Буртниежское село в «маленький Петергоф» с прудами и парками. В другой записи этой же экспедиции императрицу встречать выходят с ветками и деревьями. Она же сказала: «Лучше бы здесь посадили деревья». Так возникла целая дубовая аллея. Сходное предание — об Эйкенской местности. Наконец, императрица сама сажит сосенку.

Другая немногочисленная группа преданий связана с судьбой графа Зубова, которому императрица подарила замок Рундале с условием не жениться без ее разрешения. Зубов запрет этот преступил. А когда Екатерина потребовала его к ответу, он повесился. По другому варианту его сердце в золотой шкатулке отвезли к Екатерине.

Особняком стоит предание о Екатерине, приобретшей черты Рижской ведьмы, проживающей в Рижской башне. Убивает ее солдат серебряной пулей.

Анна Иоанновна осталась в памяти латышей только одной побывальщиной, записанной в 1938 году пятнадцатилетним школьником. Жила она в Виркавском замке, от которого остались только развалины. Постоянно жил там курземский герцог Петерис Бирон. Дворец построил в 1790 году по приказу императрицы архитектор Растрелли, причем одновременно он вел строительство Зимнего дворца в Петербурге. Когда Анна Иоанновна приезжала в гости к Бирону, она шла в баню мыться. Баня была в 25 аршин («asis») длины, и ее фундамент можно видеть и теперь. Дворец разрушен сто лет тому назад. Крестьянин Сейманис видел сон: под баней зарыты деньги; и хотел он их откопать, но ничего не нашел.

Итак, никто из всех многочисленных правителей и властелинов России (за исключением, может быть, Екатерины Великой) не оставил в сознании латышей разных возрастных категорий и жизненных позиций таких разносторонних воспоминаний как Петр Великий, кстати сказать, которому современные латышские историки адресуют немалое количество упреков в угнетении латышских крестьян. Другие русские цари предстают в самых различных ситуациях и функциях, которые не всегда соответствуют тому, что о них говорят и русские, и латышские историки.

По своему происхождению некоторые предания и побывальщины явно восходят к литературным источникам, вычитаны из книг, главным образом книг для чтения, учебников истории, из латышских газет, где в 80-е — 90-е годы XIX века такой материал появлялся частенько. Материал о более поздних владетельных особах — Екатерине Великой и Анне Иоанновне вполне мог сохраниться и в устных традициях.